

УДК 342.92(476)(09)

В.В. Лиля, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: bluecloud323@gmail.com)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ

Проводится историко-правовой анализ правовых презумпций, начиная от их первого закрепления в письменных источниках права и до наших дней. Рассматриваются различные периоды изучения данной категории; кратко обозначены истоки правовых презумпций из логико-философской модели общих презумпций. Акцентируется внимание на значимости правовых презумпций в системе административно-деликтного права; подчеркивается необходимость их дальнейшего совершенствования и упорядочивания в действующем законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: презумпции, правовые презумпции, административно-деликтное право, административный процесс, историко-правовой анализ.

Понятие «презумпция» (от лат. *praesumptio* – предположение) имеет глубокую историю. Правовые презумпции сами по себе прошли долгий путь научного осмысления и последующего их нормативного закрепления. Для понимания происхождения правовых презумпций необходимо провести историко-правовой анализ данной юридической категории.

Первое упоминание о правовых презумпциях относится к римскому частному праву. В дигестах Юстиниана принцип презумпции невинности сформулирован как «*in dubio pro reo*» – сомнения в пользу обвиняемого. Для более образного исторического представления можно привести в качестве примеров высказывания древних римских юристов: «Если существует сомнение в истинном статусе раба, следует признать его свободным» (Помпоний) (Д. 50.17.20); «Лучше оставить преступление безнаказанным, чем осудить невинного» (Ульпиан) (Д. 48.19.5); «Когда отсутствует четкое правовое предписание, желательно решать дела по справедливости» (Павел) (Д. 39.3.2) [1, с. 12].

Исследуя зарождение правовых презумпций, Е.Ю. Веденеев отмечает, что их формирование изначально служило функцией распределения обязанности доказывания: «*praesumptionen hominis* – вероятное предположение, сделанное судьей; *praesumptionen juris* – законная опровержимая презумпция (добросовестность владения); *praesumptionen juris et de jure* – законная неопровержимая презумпция» [2, с. 47].

З.М. Черниловский, в свою очередь, заявляет о более раннем появлении правовых презумпций: «по своему происхождению юридические презумпции старше римского права и самой латыни. Презумпции складывались в праве отдельных народов на этапе до правового обычая» [3, с. 98].

В монографии Д.И. Майера «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях» (1854 г.) содержится положение о средствах юридической техники, в том числе и о презумпциях. В частности, исследователь отмечает, что ... юридический быт знакомит нас также с отклонениями от нормального порядка: определениями, рассчитанными на известные факты, которые получают силу, хотя не усматриваются. К таким отклонениям обыкновенно относятся следующие случаи:

вымышленное существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде. К таковым относятся *fictions juris* или вымыслы права;

существование факта не раскрыто наверняка, но более или менее вероятно. Предполагается, что относящиеся к нему определения идут в ход. К таковым относятся *praesumptio* или предположение;

существование факта выражается другим фактом (его знаком или эквивалентом);

юридические определения относятся к факту, который выставляется вместо другого факта и подлежит юридическим определениям [4, с. 2].

Д.И. Майер также рассуждает и о том, как вымысел (презумпция) попал в практическое римское частное право, так как вымысел не имеет самостоятельного начала и не допускает неограниченного простора для выводов. В результате заключает, что вымысел есть плод воображения,

гостя незваного и нежданного в области права: как случилось, что в холодном и чуждом ... римском праве он нашел себе приют и значение?».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что практическое римское частное право находилось в постоянном движении – урегулировании возникающих новых общественных отношений. И это урегулирование не могло бы быть достигнуто без предположений (презумпций).

Средневековое феодальное право также использовало в правоприменительной практике правовые презумпции, однако они более всего служили правящей элите и идеологии, чем как таковому праву. Так, в средневековой Европе, в которой на тот момент был создан особый церковный суд – инквизиция, основной презумпцией, используемой на судебных процессах, являлась «презумпция виновности». И.Л. Петрухин в статье «От инквизиции к состязательности» по этому поводу говорит, что «несознавший обвиняемый подвергался пыткам. Защитник не допускался. Состязательности не было. Суд исходил из презумпции виновности обвиняемого. Бремя доказывания невиновности возлагалось на обвиняемого» [5, с. 29]. Правовая система средневековой традиции отождествляет презумпции и косвенные доказательства, что противоречит и природе, и смыслу правовых презумпций.

Рассматривая право Великого Княжества Литовского (ВКЛ), являвшегося европейским государством, центром которого были белорусские земли, в источниках также находим права презумпции. Первой попыткой сформулировать принцип презумпции невиновности стал артикул 3 Статута ВКЛ 1566 г.: «О поиманом з лицом в местех наших господарских и о зводех злодейства, с чим колвек хто поиман будеть». В положениях этого артикула содержится следующее: «...А вед же суд подобенства всякие на доброй бачности мети маеть и в речах вонтпливых склоннейший маеть быти ку вызволенью, нижли ку каранью» [6]. Термин «вонтпливых» или «сомнительных» означает, что если суд будет иметь сомнительные доказательства, то он должен быть склонен к освобождению от ответственности, нежели к наказанию. При этом Статут ВКЛ 1566 г. распространял данную правовую презумпцию только на шляхту, но уже в Статуте ВКЛ 1588 г. была прописана оговорка, что данное право распространяется и на простых людей.

Изучение периода вхождения территории Беларуси в состав Российской империи приводит к выводу о том, что единого подхода к оценке правовых презумпций и их роли в системе права не было. В этой связи В.Д. Спасович пишет: «Юридические презумпции суть вообще зло, которого следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые презумпциями только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно» [7, с. 28]. И если В.Д. Спасович называет презумпции «злом и костылями, на которые опирается законоведение», то Д.И. Майер обращает внимание на то, что вероятность фактов может и должна быть принята к сведению законодательством, лишенным во множестве случаев средств, чтобы добиться несомненности и чтобы на ней основывать свои определения.

Еще одним важным выводом или тезисом научных исследований XIX в. являлось то, что презумпции рассматривались не как категория, которая должна обозначать вероятности или предположения, а как категория, служащая для разрешения стоящих перед органами правосудия задач по всестороннему и справедливому рассмотрению текущих дел и урегулированию общественных отношений, которые до использования презумпций было сложно или практически невозможно урегулировать должным образом. В этой связи И.Г. Оршанский отмечает: «Бывает не действительная вероятность данного умозаключения от одного факта к другому, а желание охранять те или другие общественные интересы, наиболее важные в глазах законодателя» [2, с. 44].

Советский период исследования правовых презумпций становится периодом игнорирования проблематики правовых презумпций с его начала и до начала послевоенных лет, а также периодом повышенного внимания к исследуемой проблеме правовых презумпций в послевоенные годы.

После 1917 г. происходит переход от дореволюционного к социалистическому праву. Социалистическое право подразумевало под собой и социалистическое правосознание, которое использовало только нормы писаного права в своей наиболее буквалистской трактовке. А поскольку само понятие презумпции есть предположение, а не буквально прописанная истина или

осязаемый правовой акт, то и их использование полностью отрицалось действующими юристами и в целом правовой системой с ее социалистическим правосознанием.

Все названное в совокупности и предопределило дальнейшее развитие правовой категории «презумпция». С одной стороны, отрицание достижений русских юристов царского периода (выразилось в том числе и в отсутствии должной преемственности мысли) затормозило развитие права, но с другой – положило начало к развитию своего направления юридической мысли.

Значение презумпций многие теоретики и практики советского права долгое время отрицали. В исследованиях того периода в том числе было не принято использовать понятие «презумпция», вместо него юристы употребляли синонимичные словосочетания «законное предположение», «юридическое предположение», «доказательственное предположение». По мнению В.С. Тадевосяна, «в советском социалистическом обществе и государстве, в законах, действующих в СССР, нет никаких заранее установленных предположений о виновности или невиновности граждан, нет надобности в каких-либо предвзятых предположениях, презумпциях» [8, с. 70]. Ученый отождествлял презумпции с формальными доказательствами и считал, что им нет места в действующей правовой системе.

По мнению С.А. Голунского, презумпции представляют собой попытку создать абстрактную истину и не согласуются с основными положениями марксистско-ленинской диалектики о конкретности всякой истины [9, с. 59].

Исходя из вышеуказанных положений касательно презумпций, можно сделать вывод о том, что в советский период данная правовая категория шла в разрез с действующей политико-идеологической доктриной марксизма-ленинизма, и ее признание в правовой системе находилось под большим вопросом. И эта тенденция сохранялась вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Дальнейшее исследование категории правовых презумпций приходится на послевоенные годы. Так, В.П. Воложанин, рассматривая презумпции в праве, считает: «Предположение, освобождающее какую-либо сторону от доказывания факта при доказанности иных фактов, так как между ними (фактами, не требующими доказывания, и уже доказанными фактами) имеет место особого рода причинная связь, в той или иной мере подтверждаемая предшествующей практикой» [10, л. 5].

Аналогичное определение было предложено О.В. Левченко о том, что презумпции представляют собой «предположительные знания, вытекающие из повторяющейся и всегда устойчивой связи между событиями... фактами» [11, с. 13].

В названных двух последних определениях усматривается сходство взглядов на основе логического осмысления презумпции как общетеоретической категории. Это значит, что любая презумпция складывается из постоянно повторяющихся событий или фактов. В.К. Бабаев отмечает: «Видя, что брошенный в огонь кусок дерева горит, мы заключаем, что и другой кусок дерева будет гореть». Развивая далее высказанную мысль, ученый говорит, что повторяемость жизненных процессов приобретает характер закономерности, становится обычным явлением в повседневной жизни, «обычным порядком» [12, с. 9].

Таким образом, три автора, исследуя правовые презумпции, считали, что последние производны от философской категории презумпция, которая имеет свою природу из логики построения с использованием индуктивного метода. Наиболее ярким представителем и даже основоположником данного учения, ученым, осуществившем первое комплексное исследование правовых презумпций в странах Советского Союза, считается В.К. Бабаев. Благодаря его исследованию со стороны ученых и практиков юридической мысли того времени к правовым презумпциям возрос интерес и до сих пор не угасает.

В 1984 г. на основе законодательства об административных правонарушениях СССР был принят Кодекс Белорусской ССР (далее – Кодекс) об административных правонарушениях. В ч. 1 ст. 7 Кодекса «Обеспечение социалистической законности при применении мер воздействия за административные правонарушения» положение о презумпции невиновности было закреплено следующим образом: «Никто не может быть подвергнут мере воздействия в связи с административным правонарушением иначе как на основаниях и в порядке, установленных законодательством». Анализ Кодекса показывает, что как таковых правовых презумпций в нем нет. Правовые презумпции и, в целом, презюмирование на данном этапе использовались в качестве средства

юридической техники для установления истинности по конкретному делу в случаях, когда это было необходимо.

Следующим этапом развития правовых презумпций в административном праве и процессе стала разработка и принятие нового КоАП в суверенной Республике Беларусь. КоАП отвечал всем требованиям времени и имел статус единственного закона об административной ответственности на территории Республики Беларусь. При этом процессуально-исполнительные нормы были выделены в отдельный кодекс.

Количество правовых презумпций в КоАП и ПИКоАП 2003 г. значительно выросло относительно Кодекса 1984 г. Так, например, в ст. 4.9 КоАП «Ответственность собственников (владельцев) транспортных средств» прямо указывается на наличие «презумпции виновности» в случаях фиксации превышения скорости движения, нарушения правил остановки или стоянки транспортного средства работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи.

Относительно использования презумпции вины, в частности, вышеуказанной статьи, интересную позицию высказал Д.В. Гвоздев. По его мнению, целями публичных видов ответственности являются следующие:

непосредственное правовое воздействие на личностные свойства субъекта, совершившего правонарушения, направленное на их изменение, и формирование таким образом личностных социальных установок конкретного лица, соответствующих социально-правовым нормам, принятым в обществе. Такую цель можно назвать персоналистической;

предупреждение совершения новых правонарушений самим лицом, привлекаемым к ответственности (частная превенция);

предупреждение совершения правонарушений другими лицами (общая превенция).

При этом Д.В. Гвоздев считает, что использование рассматриваемой презумпции (презумпции виновности) при наложении административного взыскания на физических лиц направлено в большей степени не столько на достижение основной цели административной ответственности (воспитание лица, совершившего административное правонарушение), сколько на предупреждение совершения правонарушений лицами, которые их еще не совершили и не подлежат административной ответственности [13, с. 85, 87].

С 1 марта 2021 г. в действие вступили новый КоАП и ПИКоАП, в которых остались все те же правовые презумпции, однако проблемы, имеющие в предыдущей редакции кодекса, касающиеся использования и упорядочивания, в новом кодексе не решены.

Таким образом, проведя историко-правовой анализ рассматриваемой дефиниции, можно выделить несколько периодов ее изучения и развития.

1. Период римского частного права.
2. Период феодального права и вхождения белорусских земель в состав ВКЛ.
3. Период вхождения белорусских земель в состав Российской империи.
4. Советский довоенный и послевоенный периоды.
5. Период суверенной Республики Беларусь.

Исходя из анализа периодизации правовых презумпций, можно сделать вывод о том, что они являлись неотъемлемой частью писаного права, начиная с закрепления в дигестах и до нашего времени включительно. Правовые презумпции играют особую роль в непосредственном развитии правовой мысли, так как служат упрощению процесса разрешения конкретных противоречий в той или иной отрасли права. Благодаря презумпциям правоприменитель может использовать прием презюмирования в наиболее часто повторяющихся общественных отношениях, чтобы не заниматься детальным изучением и разбором каждого идентичного случая в отдельности. По причине направленности любой системы на оптимизацию своей деятельности для получения того же результата или лучшего, но с наименьшими затратами ресурсов, правовые презумпции должны быть и являются инструментом оптимизации правоприменительной деятельности в административном праве и процессе в частности.

Список использованных источников

1. Черниловский, З.М. Римское частное право: Элементарный курс / З.М. Черниловский. – М. : Новый Юрист, 1997. – 224 с.

2. Веденеев, Е.Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве / Е.Ю. Веденеев // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 47.
3. Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский // Совет. государство и право. – 1984. – № 1. – 146 с.
4. Майер, Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях : монография / Д.И. Майер. – Казань : [б. и.] 1854. – 129 с.
5. Петрухин, И.Л. От инквизиции – к состязательности / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 2003. – № 7. – 118 с.
6. Статут ВКЛ 1588 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kansty-tutsyu-nae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1588-goda/>. – Дата доступа: 26.02.2021.
7. Сапун, В.А. Правовые презумпции как юридические средства закрепления социальных притязаний в праве / В.А. Сапун, М.Г. Смирнова // Юрид. техника. Ежегодник. – 2010. – № 4. – 656 с.
8. Тадевосян, В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе / В.С. Тадевосян // Совет. государство и право. – 1943. – № 6. – С. 69–72.
9. Голунский, С.А. Вероятности и достоверности в уголовном суде : в 4 кн. / С.А. Голунский // Проблемы уголовной политики. – М., 1937. – Кн. 4. – С. 59.
10. Воложанин, В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.П. Воложанин. – Свердловск, 1953. – 156 л.
11. Левченко, О.В. Общеизвестные, преюдициально установленные и законом презюмируемые факты и особенности их использования в гражданско-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Левченко ; Каз. гос. ун-т. – Казань, 1994. – 13 с.
12. Презумпции в советском праве : учеб. пособие / В.К. Бабаев. – Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1974. – 122 с.
13. Гвоздев, Д.В. Использование доказательственных презумпций в административно-деликтном праве Республики Беларусь: проблемы и пути решения / Д.В. Гвоздев // Право.by. – 2014. – № 4. – С. 83–88.

Дата поступления в редакцию: 15.03.21

V.V. Lilya, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE USE OF LEGAL PRESUMPTIONS IN ADMINISTRATIVE AND TORT LAW AND THE PROCESS

In the article, a historical and legal analysis of legal presumptions is carried out, starting from their first fixation in written sources of law to the present day. Various periods of study of this category are analyzed, and the origins of legal presumptions from the logical and philosophical model of general presumptions are briefly outlined. Attention is drawn to the importance of legal presumptions in the system of administrative and tort law, as well as the need to further develop and streamline them in existing legislation.

Keywords: presumptions, legal presumptions, administrative and tort law, administrative process, historical and legal analysis.

УДК 343.82

С.И. Протосевич, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: pochta6993@gmail.com)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Рассматривается историческое развитие правового регулирования реализации права на защиту в государственном управлении, под которым понимается комплекс субъективных прав подвластного субъекта по защите своих прав и интересов в отношениях с государством. Приводится историческая периодизация становления и развития данного социально-правового института; анализируются особенности